

Лана
Блэр

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дорогатый
РЕГЛАМЕНТ

Лана Блэр

Бородатый регламент

«Автор»

2026

Блэр Л.

Бородатый регламент / Л. Блэр — «Автор», 2026

У Руслана Ульянова есть система и три простых правила: 1. Все должно работать по регламенту. 2. Эмоции – лишние. 3. Личное – под строгим контролем. У Ани Воронцовой есть Аня. И этого более чем достаточно. Она не признает лишних правил, спорит с отчетами, разговаривает с фикусом и живет с котом, который, судя по всему, тоже считает себя частью руководства. Кто победит в этой битве регламентов и хаоса? Спойлер: побеждает любовь. Но сначала Руслану придется признать, что его идеальная система дала сбой. А имя сбоя – Аня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лана Блэр

Бородатый регламент

Глава 1

Аня

Сунув руку в ящик стола, нащупываю там запасную канцелярскую скрепку. Моя собственная, которой был заколот пучок, исчезла примерно полчаса назад – кажется, я отдала ее курьеру, чтобы он починил свой сломанный бейдж. Или нет. В общем, где-то там.

Пучок держится на честном слове и остатках моей профессиональной репутации. И, честно говоря, оба этих ресурса сейчас выглядят примерно одинаково: шатко, но с характером. Сегодня на мне любимые джинсы с выцветшими коленями и мягкая серая кофта с длинными рукавами, которые я по привычке закатываю. Это идеальный образ для человека, собирающегося спасти мир от бюрократического идиотизма, не вставая из-за стола.

Я вообще здесь не так давно. Полгода максимум. Иногда мне до сих пор кажется, что я просто зашла «посмотреть» и почему-то осталась. До этого была другая компания. Поменьше, поспокойнее и, если честно, гораздо менее живая. Я там почти не спорила. Почти не бесилась. Почти не была собой. А сюда меня затащил Коля – лучший друг и бывший одноклассник, который внезапно оказался в этом корпоративном муравейнике и решил, что мне здесь «понравится». Спойлер: он не уточнил, что «понравится» – это в его понимании «будешь воевать с регламентами и получать удовольствие». Но, в общем... он не совсем ошибся.

– Воронцова, вы меня слышите?

Голос звучит так, будто его обладатель только что проглотил наждачку и теперь пытается говорить сквозь нее.

Поджав губы, поднимаю голову.

Руслан Ульянов стоит в трех метрах от моего стола, и его костюм, темно-синий, безупречный, с иголки, кажется издевательством над моими джинсами. Черные волосы уложены, борода подстрижена так ровно, что можно линейкой проверять. Карие глаза смотрят на меня так, будто я – ошибка в системе, которую он сейчас выследит и исправит. А ведь он правда может это сделать.

– Слышу, – киваю, откидываясь на спинку стула. – Вы спрашивали, почему я не сдала отчет по форме 7-Б. А я вам отвечаю: форма 7-Б устарела морально. Это как требовать от человека использовать факс в эпоху мессенджеров.

– Отчет, – повторяет он. Чеканно. Как приказ.

– Я переделала его в визуальную схему. Так понятнее. Хотите, покажу?

Руслан Дмитриевич молчит. Смотрит на мои джинсы, потом на мои каштановые волосы, которые уже начинают выбиваться из пучка и лезть в глаза, потом на стол, где у меня вперемешку лежат стикеры с заметками, половинка бутерброда в прозрачном контейнере и распечатка нового договора, которую я всю исчеркала красным маркером.

Я буквально чувствую, как он сканирует пространство вокруг меня: оценивает, систематизирует, мысленно расставляет все по полочкам. И, кажется, приходит к выводу, что проще снести здание, чем навести тут порядок.

Я вижу этот взгляд. Я знаю этот взгляд. Он думает: «Она чокнутая». И знаете что? Пусть думает.

– Визуальную схему, – выдыхает он наконец.

Его голос становится тише и от этого страшнее. Как будто он не повышает громкость, а наоборот – сжимает пространство вокруг, делая его плотнее.

– Воронцова, у нас корпоративный стандарт. Отчет по форме 7-Б. Утвержден приказом № 453 от...

– Прошлого года, – перебиваю я. – А в этом году сменилось три поставщика, два регламента и один генеральный директор. Но форма осталась. Удобно, да? Как старые тапки.

Кто-то в опенспейсе давится смехом. Я почти физически ощущаю, как по комнате проходит волна напряжения. Руслан Дмитриевич медленно поворачивает голову в ту сторону, и смех мгновенно гаснет.

Страх – великая сила. Но не моя.

– Через час, – цедит он сквозь зубы, глядя мне прямо в глаза, – я жду на своем столе отчет по форме 7-Б. В печатном виде. С подписью. Если его не будет, мы с вами продолжим разговор в другом формате.

– В каком же? – кривлю губы.

– С участием отдела кадров.

Развернувшись, он уходит в сторону своего кабинета. Идеальная осанка, идеальный шаг, идеальный костюм, идеальная борода. Даже звук его шагов какой-то... идеальный. Ровный. Как метроном. Мне почему-то хочется кинуть ему вслед степлером.

Но я не кидаю. Я взрослый человек. Почти.

Достаю из ящика новую скрепку, подхожу к зеркалу в холле и закалываю пучок заново. Задерживаюсь, пристально глядя на свое отражение. Проверяю: я все еще я? Да. Отлично. Значит, можно продолжать – все равно сделаю по-своему.

– Воронцова, – шепчет отражение. – Не зли начальника. Тебе же хуже будет.

– Да пошел он со своим регламентом, – дергаю подбородком вверх.

Возвращаюсь к своему столу, открываю ноутбук и начинаю делать этот дурацкий отчет по форме 7-Б. Потому, что я, в отличие от некоторых, умею работать в системе.

Пальцы быстро бегают по клавиатуре, мысли выстраиваются в аккуратные строки, цифры складываются в понятную картину – и я ловлю странное чувство удовлетворения. Я могу. Я умею. Просто не люблю, когда мне диктуют, как именно.

Но параллельно готовлю презентацию с визуальной схемой, которую покажу на следующем совещании. Пусть подавится своим «бородатым регламентом».

Ровно через пятьдесят восемь минут я стучу в дверь кабинета Руслана Дмитриевича.

– Войдите.

Захожу. Кладу на край стола аккуратную папку с отчетом. Он даже не поднимает голову – смотрит в монитор.

– Что-то еще? – спрашивает сухо.

– Ничего. Просто хотела сказать: я сделала это не потому, что вы приказали. А потому, что мне не жалко. Но в следующий раз, когда вы захотите получить от меня работу, попробуйте спросить «почему» вместо «где».

Теперь он поднимает голову. Карие глаза встречаются с моими. В них нет злости. Там что-то другое. Интерес? Раздражение? Или внимание? Настоящее. Такое, от которого вдруг становится чуть теплее под кожей.

– Вы всегда такая? – задает он вопрос.

– Какая? – выгибаю бровь.

– Которая делает по-своему, даже когда просят иначе.

Губы растягиваются в самой широкой улыбке, на которую я способна.

– Всегда. Привыкайте, Руслан Дмитриевич.

Выхожу, не дожидаясь ответа, и только в коридоре понимаю, что он смотрел мне вслед. Я это чувствовала. Спиной. И это чувство странное, непривычное. Словно за тобой не просто наблюдают, а запоминают.

Возвращаюсь к своему столу с выражением лица человека, который только что выиграл микроскопическую, но принципиальную войну.

Сев, оглядываю поле боя: стикеры, маркер, контейнер с бутербродом, ноутбук – все на месте. Даже я на месте. Уже достижение.

Тянусь за бутылкой воды, откручиваю крышку и, не делая ни глотка, аккуратно поливаю фикус, который стоит у меня в левом углу стола.

– Держись, Федор, – обращаюсь к нему. – В этом офисе нам с тобой жить.

Фикус молчит. Он вообще молодец: ни разу не перебил. Иногда мне кажется, что он самый адекватный участник команды.

Поставив бутылку обратно, оглядываюсь, никто не смотрит. Ну или делает вид, что не смотрит. В нашем опенспейсе у людей отлично развит инстинкт «я ничего не видел, я просто работаю».

Наклонившись, выдвигаю самый нижний и самый глубокий ящик стола и осторожно заглядываю внутрь.

– Ну что, жив? – шепчу.

В ответ из темноты на меня смотрят два желтых глаза.

Кот моргает. Черный. Абсолютно. Как корпоративная политика – без намека на компромисс.

Его взгляд – смесь укора и полного превосходства. Как будто это не я его сюда притащила, а он меня допустил в свое рабочее пространство.

– Отлично, – показываю большой поднятый палец. – План «не спалиться» продолжаем соблюдать.

Он тихо мяукает. Оскорбленно. Потому что, по его мнению, не спалилась тут только я, а он – жертва обстоятельств.

– Третий раз уже, между прочим, – напоминаю я ему. – Должен привыкнуть.

Кот не согласен. Он вообще не подписывался на карьеру офисного сотрудника. Если честно, я тоже.

Первый раз я притащила его сюда, потому что ветеринар сказал, что Коту нужен «новый опыт и социализация». Я не уточнила, какой именно опыт имелся в виду, но Кот, кажется, решил, что корпоративная среда – это идеальный стресс-тест для психики. Спойлер: не идеальный. Для всех.

Второй раз – потому что он, по всей видимости, считает себя моим руководителем и решил, что обязан контролировать рабочий процесс. С утра он просто сел в сумку и отказался выходить, пока я не пообещала «вести себя адекватно на совещаниях». Я пообещала. Но мы оба знали, что это ложь.

Сегодня... потому что он «запомнил маршрут». Видимо, решил, что это его новая работа. Или что я – его новая работа. Тут еще надо разобраться, кто из нас чей сотрудник.

– Сиди тихо, – шепчу. – Если Ульянов тебя увидит, он либо уволит меня, либо оформит тебя по трудовой книжке. А это, знаешь ли, ответственность.

Кот зевает. Широко. С демонстративным равнодушием к моей судьбе.

И тут я понимаю, что, если его оформят, он быстро станет начальником. И, возможно, даже Руслана Дмитриевича построит. Интересно было бы на это посмотреть.

Осторожно задвигаю ящик обратно, и в этот момент рядом с моим столом кто-то останавливается. Подняв голову, вижу Колю. Он смотрит на меня так, как будто только что стал свидетелем редкого природного явления.

– Ты... сейчас с ящиком разговаривала?

Я моргаю. Один раз. Второй. В голове за долю секунды прокручиваются варианты: отрицать, пошутить, сбежать, симулировать амнезию. С Колей, правда, это почти бесполезно, потому что он все равно докопается. Но я упрямо выбираю классику.

– Нет, – произношу максимально уверенно. – Это фикус.

Он переводит взгляд на фикус. Потом обратно на меня. Потом снова на фикус, как будто тот сейчас обязан подтвердить или опровергнуть мою версию.

– А-а-а...

– Он же у меня сложный, – добавляю, не моргнув. – Мы работаем над этим.

Коля медленно приподнимает брови, а затем очень медленно кивает.

– Ага. Понял. То есть стадия отрицания уже пройдена.

– Иди работай, – фыркаю.

– Я работаю, – невозмутимо отвечает он. – Наблюдаю за деградацией кадрового состава.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Пауза.

– Иди отсюда, – повторяю.

– Уже иду, – поднимает он руки вверх, но, отходя, все равно бросает: – Если фикус начнет отвечать, зови. Мне интересно, кто из вас победит.

Цокнув языком, закатываю глаза. И только когда он уходит, позволяю себе выдохнуть.

Секунда тишины. Потом из ящика доносится тихое, но крайне выразительное:

– Мяу.

Откинувшись на спинку, потираю глаза.

Усталость накатывает мягко, как волна. Но вместе с ней приходит странное чувство: вокруг все чуть хаотично, чуть нелепо, но в этом беспорядке есть что-то родное, свое.

– Федор, – обращаюсь к фикусу, оперев голову о раскрытую ладонь, – если меня уволят, мы с тобой переезжаем. К Коту. Он, похоже, уже все решил.

Глава 2

Руслан

Смотрю в монитор, но не вижу ни одной цифры. Строки расплываются, превращаются в серую кашу, и я ловлю себя на том, что уже несколько минут просто механически прокручиваю страницу вниз, не воспринимая ни одного значения. Перед глазами – она. Джинсы с выцветшими коленками, серая кофта, причудливый пучок на затылке, из которого торчат волосы во все стороны. И глаза. Карие, наглые, живые. Слишком уж живые для этого места.

– Она чокнутая, – повторяю сам себе.

В четвертый раз за сегодня.

И каждый раз это звучит чуть менее убедительно, чем предыдущий.

В первый раз я подумал об этом, когда увидел, как она стоит на столе с указкой и объясняет договор... стажерам юридического отдела. Трое человек застыли перед ней с распечатками и выражением легкой обреченности, а она тыкала указкой в фикус и говорила:

– Вот это – заказчик. Он живой, капризный и требует воды. Если вы его не поливаете – он умирает. Так же и с обязательствами. Не выполняете – все, до свидания, штрафы.

Стажеры кивали. Один даже что-то записывал. С таким видом, будто это – лучшее объяснение, которое он слышал за всю практику. Фикус, к слову, выглядел более уверенным в себе, чем вся юридическая практика компании.

Я тогда стоял в дверях и не вмешивался. Не потому, что не мог. А потому что... хотел понять, чем это закончится. И это уже было ошибкой.

Во второй раз – когда нашел у нее в столе кота.

Мне нужна была копия договора с пометками. Аня была на обеде, но предупредила, что оставила бумаги у себя на столе. А ее стол... Он представляет собой стихийное бедствие локального масштаба.

Стикеры были везде. На столе, под столом, на мониторе, на кружке, на другой кружке. Они создавали ощущение хаотичной карты мыслей, в которой есть логика, но она доступна только одному человеку – и этот человек сейчас отсутствует. На одном было написано: «ПОЗВОНИТЬ». Кому – не уточнялось. На другом: «НЕ ЗАБЫТЬ». Что именно – тоже тайна. Еще один стикер гласил: «не доверять цифре 8». Я даже не стал пытаться понять. И, что хуже всего, поймал себя на мысли, что мне действительно стало интересно почему именно восемь.

Между бумагами лежали распечатки договоров, истерзанные красным маркером так, будто по ним прошелся человек с личной неприязнью к юридическому языку. На полях – стрелочки, восклицательные знаки, комментарии вроде: «серьезно?» и «они вообще читали это?». Сам маркер лежал рядом. Без колпачка. Как открытая угроза всему, что написано не по-человечески.

На краю стола лежал блокнот. Открытый. На странице – схема, похожа на организационную структуру проекта... если бы ее рисовал человек, которому внезапно стало скучно. Кто-то был подписан как «этот странный тип», кто-то – «подозрительно нормальный», а один кружок был просто обведен трижды и подписан: «??».

И в самом центре всего этого – фикус. Как единственный взрослый в комнате.

Я посмотрел на стол. Стол посмотрел на меня.

И впервые за долгое время я почувствовал... растерянность. Не раздражение. Не злость. А именно растерянность, как будто попал в чужую систему координат, где мои правила не работают.

Впервые в жизни я не был уверен, что хочу найти то, что ищу.

И не нашел.

Нужного документа на столе не оказалось. Тогда открыл первый ящик – канцелярия вперемешку с чем-то, что, возможно, было печеньем неделю назад. Запах был соответствующий – сладковато-пыльный, с намеком на катастрофу.

Второй – еще хуже. Там лежало все, что не смогло найти себе место в этом мире: зарядка от неизвестного устройства, один ключ (явно не от офисных замков), скрепки, скрученные в форму, напоминающую арт-объект, и стикер с надписью: «это важно». Что именно – оставалось загадкой, потому что он был приклеен к пустому месту. Где-то в глубине ящика обнаружился маленький пакетик с надписью «на черный день». Внутри – расплавленная конфета. Судя по состоянию – черный день у нее уже был. И, возможно, не один.

Закрывал я ящик медленно и аккуратно, словно боялся, что что-то еще выпрыгнет. Или объяснит мне происходящее. Но ощущение, что я стал свидетелем чего-то личного, не покидало.

Третий – там уже была попытка навести порядок. Папки лежали ровно, аккуратно, даже по цветам. Я почти поверил, что нашел рациональное зерно.

Пока не открыл одну из них.

Внутри были документы... и лист бумаги с крупной надписью: «если ты это читаешь – верни на место». Я закрыл папку. Вернул на место. И впервые за день почувствовал, что действую правильно.

Тогда настало время самого глубокого ящика. Открыв его, встретился взглядом с черным котом.

Он лежал внутри, как будто это его законное место. Поднял на меня сонные желтые глаза, посмотрел с явным разочарованием и, не найдя во мне ничего достойного внимания, медленно закрыл их и снова улегся спать.

Я не сразу понял, что именно меня задело больше – сам факт наличия кота или то, что он проигнорировал меня.

Постояв и посмотрев на него секунд десять, закрыл ящик. Уставился в стену. Поморгал секунд пять. Открыл снова. Кот был там. И снова спал.

Закрыл.

И ушел.

И только в коридоре поймал себя на том, что не знаю, как это зафиксировать в голове: как нарушение, как абсурд или как что-то, что я почему-то не хочу разрушать.

Сегодня – третий раз, когда я подумал об этом.

Но вот что меня бесит: отчет по форме 7-Б идеальный. Открыв папку, проверяю каждую цифру. Все верно. Все четко. Она сделала это за час, хотя обычный сотрудник потратил бы около двух часов. И она сделала это назло. Чтобы показать: я могу, но не хочу.

Меня раздражают не хаос и не кот, а контроль, который она демонстративно не использует.

Откинувшись на спинку кресла, щипаю себя за переносицу. Мне тридцать пять лет, а я впервые в жизни не понимаю, как управлять сотрудником.

В кабинете тихо, только гудит кондиционер. За окном стандартный пейзаж бизнес-центра: стекло, бетон, чужие окна напротив.

Все ровно. Все стабильно. Все предсказуемо. И от этого вдруг невыносимо скучно.

В моей жизни все всегда было правильно. Костюмы с иголочки, отчеты по форме, карьерный рост без рывков. Я привык управлять. Контролировать. Знать, что будет через час, завтра, через месяц.

А тут – Анна Воронцова. Человек-хаос. Женщина, которая приходит в офис в джинсах, разговаривает с принтером и, кажется, искренне считает, что правила существуют, чтобы их нарушать.

И при этом... работает лучше большинства.

Я должен ее уволить. Это логично. Это правильно. Это безопасно.

Нахмурившись, нажимаю кнопку селектора:

– Елена Сергеевна, зайдите.

Секретарь заходит через минуту, подходит к столу и ждет.

– Подготовьте служебную записку на Воронцову А. С. Грубое нарушение корпоративного дресс-кода, систематическое игнорирование... игнорирование... игнорирование...

Не могу закончить.

Слова вдруг кажутся какими-то пустыми. Как будто я сам не верю в то, что говорю.

Потерев пальцами лоб, смотрю на папку с отчетом. Идеальный. За час. Как я ее и просил.

– Отставить, – буркаю.

– Простите? – переспрашивает Елена Сергеевна.

– Отставить служебную записку. Идите.

Секретарь выходит, и я остаюсь один. Открываю личное дело Ани Воронцовой. Читаю в тысячный раз: тридцать два года, образование высшее, профильное. Рекомендации с прошлых мест работы – исключительно положительные. Комментарий предыдущего руководителя: «Специфичный характер, но незаменимый специалист. Умеет видеть то, что не видят другие. Рекомендую к повышению».

Повышению.

Я усмехаюсь. Слабо. Почти незаметно. Потому что впервые думаю, что этот комментарий – не преувеличение.

Закрыв дело, тру переносицу.

В коридоре слышен смех. Ее смех. Аня смеется громко, заразительно, так, что хочется улыбнуться, даже если не понимаешь шутки.

Этот звук выбивается из общего фона офиса так же, как и она сама. И почему-то запоминается.

Но я не улыбаюсь.

Она чокнутая.

Только внутри что-то екает. Что-то, чему нет места в моей жизни. Я не буду с этим разбираться. Я просто сделаю вид, что ничего не происходит. Это сработает. Всегда срабатывало.

Наверное.

Вечером выключаю компьютер ровно в 19:00. Закрыв папку, поправляю пиджак. Беру телефон и тушу свет. Все как обычно. Все под контролем.

Я двигаюсь автоматически, по привычному маршруту, словно следую инструкции, которую сам же и написал. И вдруг ловлю себя на том, что сегодня этот алгоритм дает сбой.

Выхожу из кабинета и сталкиваюсь с Воронцовой у лифта. Она стоит, прислонившись к стене, и разговаривает. С пустотой.

– Нет, ты не поедешь завтра со мной на работу, – произносит она тихо, но выразительно.

– У тебя был шанс остаться в приличном обществе.

Остановившись, просто смотрю на нее. Не вмешиваюсь. Секунду. Вторую. Пытаюсь понять, это шутка, привычка или диагноз.

– Воронцова, – зову ее.

Она вздрагивает и резко оборачивается.

– О. Руслан Дмитриевич. Добрый вечер.

– С кем вы разговариваете? – задаю вопрос, наклонив голову.

– Ни с кем, – как-то очень быстро отвечает она, округлив глаза.

В этот момент из ее сумки раздается тихое, но предательское:

– Мяу.

Я смотрю на сумку.

Потом на нее.

Потом снова на сумку.

В голове вдруг всплывает тот самый ящик. И желтые глаза.

– Это... – начинаю я.

– Это не то, что вы думаете, – перебивает она.

Сумка снова мяукает.

На секунду закрываю глаза и шумно выдыхаю. Потому что это именно то, что я думаю. И даже хуже – это начинает становиться нормой.

Когда открываю – Аня уже смотрит на меня с самым невинным выражением лица, на которое только способна.

– Воронцова, – говорю медленно, – у вас в сумке кот?

Тишина. Слышу, как она нервно сглатывает и отводит взгляд.

– Формально – да, – она прижимает к себе сумку и кривит губы.

Лифт открывается с тихим «дзынь». Мы стоим. Кот снова мяукает.

Зайдя в лифт, верчу головой.

– Воронцова.

– Да? – смотрит на меня Аня, почесывая нос.

– Завтра без кота.

Подняв взгляд к потолку, она задумывается секунды на три. Кивает, сама себе и чуть заметно улыбается.

– Я постараюсь, – говорит честно.

Но я понимаю, что это максимум, который от нее можно получить. И почему-то этого достаточно.

Двери закрываются. Воронцова остается в коридоре. Ущипнув себя за переносицу, я вдруг понимаю, что завтра в моем идеально выстроенном графике снова появится фактор, который не поддается ни логике, ни контролю. И, судя по всему, игнорировать его уже не получится.

А хуже всего то, что я уже не уверен, что хочу от него избавиться.

Глава 3

Аня

Две недели ада.

Руслан Ульянов ходит за мной как тень. Нет, даже хуже, как хорошо настроенная система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц и морального осуждения. Иногда мне кажется, что, если я просто моргну не в том ритме, он это тоже зафиксирует и занесет в отдельную таблицу. С комментариями. И графиком.

Каждый мой отчет, каждое письмо, каждое движение под контролем. Он сидит в конце опенспейса в своем стеклянном аквариуме и смотрит. И самое раздражающее – я чувствую этот взгляд даже тогда, когда не вижу его. Как будто он не глазами смотрит, а каким-то внутренним сканером. Даже когда я в туалет ухожу, он краем глаза фиксирует тайминг.

Я эксперимент провела. Взяла телефон, поставила таймер и пошла. Вернулась через три минуты сорок секунд.

– Воронцова, – раздалось из-за спины, – у вас все в порядке?

Я тогда чуть не уронила кружку. Сердце реально дернулось, как будто меня поймали на чем-то незаконном. Хотя максимум, что я сделала – помыла руки и посмотрела на себя в зеркало с выражением «куда ты попала».

– Да, – говорю. – А что?

– Просто вы отсутствовали дольше обычного.

Руслан Дмитриевич сказал это спокойно. Просто констатировал факт.

Я посмотрела на него. Он посмотрел на меня.

В этот момент мне стало не по себе. Не потому, что он контролирует, а потому что он замечает. Слишком много и подозрительно точно.

И вот тогда я впервые подумала, что он не просто начальник. Он – Бородатый регламент. Идеально оформленный. Утвержденный. С подписью и печатью.

– Воронцова, почему в письме поставщику нет приветствия?

– Воронцова, отчет сдан на три минуты позже.

– Воронцова, ваша кофта не соответствует деловому стилю.

Две недели. Две недели он меня методично... не давил. Нет. Он меня выравнивал. Как криво повешенную картину, которая раздражает своим существованием.

А самое страшное – в какой-то момент я начала проверять себя. Перед тем как отправить письмо. Перед тем как встать. Перед тем как сказать что-то вслух. И это меня взбесило больше всего.

Вчера я не выдержала.

– Руслан Дмитриевич, – сказала я, глядя ему прямо в глаза. – Вы хотите уволить меня за джинсы? Увольняйте. Но я лучше буду делать свою работу хорошо, чем ходить в платье и делать ее плохо. Выбирайте.

Внутри все сжалось. Потому что это был тот самый момент – либо сейчас меня «ставят на место», либо...

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Я ждала лекцию. Про субординацию. Про корпоративный дух. Про то, что я – временное недоразумение.

Но он только ответил:

– Я выбираю результат.

И ушел. А я осталась стоять, как идиотка, с ощущением, что меня только что не победили. И даже не проиграли. Меня просто приняли. В расчет. И это было неожиданно.

С тех пор он перестал придирается к джинсам. Но не перестал смотреть.

Я ловлю взгляд Руслана Дмитриевича в переговорной, когда он думает, что я не вижу. В коридоре, когда мы расходимся в разные стороны. Он смотрит не как начальник, который ищет косяк.

Он смотрит...

Черт его знает, как.

Иногда – как будто оценивает. Иногда – как будто изучает. А иногда – как будто ему просто интересно. И вот это самое опасное. Вот тут начинается проблема. Потому что мне это начинает нравиться.

Нет, не так. Мне это начинает очень не нравиться – то, что мне это нравится.

– Ань, ты чего зависла? – Коля машет рукой перед моим лицом.

– А? Ничего. Думаю.

– О чем?

– О работе.

– Ага, – усмехается Коля. – Ты так на Бородатого регламента смотрела, будто работу в глаза увидела.

– Отстань.

Отлично. Еще и со стороны это видно. Просто прекрасно.

Бородатый регл... тьфу! Ульянов Руслан Дмитриевич.

И ведь самое обидное – это я виновата. Я это прозвище и запустила. Один раз ляпнула в столовой:

– У нас не начальник, а ходячий Бородатый регламент: все по пунктам, сносам и подписью.

И все. Понеслось. Сначала тихо подхватили свои, потом – соседний отдел, потом, кажется, даже бухгалтерия. Пару раз пыталась это остановить, но было уже поздно. Регламент утвердили. Без права редактирования. Как обычно. Самые дурацкие вещи закрепляются быстрее всего.

И теперь он – Бородатый регламент.

Хотя... Если честно, Ульянову подходит.

Его черные волосы, аккуратная борода, карие глаза. Этот его идеальный костюм, который сидит как влитой. Как будто он родился сразу в пиджаке и с планом развития на пять лет.

И, черт возьми, это... красиво. Нельзя так выглядеть и при этом еще и быть компетентным. Это нечестно.

Господи.

Закрыв лицо руками, беззвучно хнычу. Мне начинает нравиться Бородатый регламент. Это уже диагноз. Причем хронический, судя по симптомам.

Яростно потирая лицо ладонями, протяжно выдыхаю. Пучок снова распадается, волосы лезут в глаза. Надо бы заколоть, но лень вставать и искать скрепку. Да и пусть.

– Воронцова, – раздается голос прямо за спиной.

Подпрыгнув на стуле, оборачиваюсь. Руслан Дмитриевич стоит в полуметре, смотрит на мой рассыпавшийся пучок и почему-то улыбается краем губ.

Как-то очень близко, спокойно и не так, как обычно.

– У вас волосы... – дергает он подбородком.

– Я знаю, – киваю, чувствуя, как щеки начинают гореть. – Сейчас заколю.

– Не надо.

– Что? – переспрашиваю, нахмурившись.

– Не надо закалывать, – повторяет он тихо. – Так лучше.

Так лучше. Эти два слова будто цепляются за кожу, остаются где-то под ней и начинают жить своей жизнью. А Ульянов разворачивается и уходит, не объясняя, что значит «лучше».

Приподняв брови, смотрю ему вслед и чувствую, как сердце колотится где-то в горле. Серьезно? Волосы? Мы сейчас обсуждали мои волосы? С ним? В рабочее время? Это вообще что было?

Коля смотрит на меня с открытым ртом.

– Ань, ты чего?

– Ничего, – говорю севшим голосом. – Просто... ничего.

Пауза.

– Ты сейчас покраснела, – добавляет он.

– Я сейчас тебя уволю, – огрызаюсь я.

– Ты не можешь меня уволить.

– Тогда морально уничтожу.

Коля довольно ухмыляется.

– Вот это я узнаю свою Воронцову. А то я уже испугался, что тебя твой Бородатый регламент сломал.

Фыркнув, утыкаюсь в монитор.

– Он не мой.

– Угу.

– Вообще не мой.

– Конечно.

Ну почему это звучит так, будто он мне не верит?

Открываю почту. Закрываю почту. Снова открываю. Но ничего не вижу, потому что в голове только одно: «Так лучше».

Я с усилием заставляю себя включиться в работу. Открываю отчет, начинаю править цифры, сверять данные, переписывать формулировки, и постепенно мысли выравниваются, становятся четче.

Работа – это спасение. В ней есть структура. Логика. Там никто не говорит тебе «так лучше» таким голосом.

Через десять минут я уже полностью в процессе: спорю с цифрами, ругаюсь на поставщиков в комментариях и почти забываю, как он смотрел на мои волосы.

Почти.

Чуть позже мы вместе с Русланом Дмитриевичем оказываемся в лифте. Естественно, одни. Потому что, если уж день решил подкинуть мне еще один сюрприз, он делает это максимально адресно. И, судя по всему, с чувством юмора.

Мы оба задержались на обед. Я – потому что решила «быстро допилить отчет». Никогда не верьте этим словам. Он – потому что, как выяснилось, тоже человек, а не встроенный в офис механизм.

Мы почти одновременно заходим в лифт и на секунду замираем, как два человека, которые не планировали оказаться в одном замкнутом пространстве.

Близость давит. Тишина звенит. Воздуха столько, что в нем теряются слова.

Он нажимает кнопку, а я делаю вид, что очень внимательно изучаю панель с этажами. Неловкость повисает между нами так ощутимо, что, кажется, ее можно было бы внести в отчет отдельной строкой.

Двери закрываются.

Лифт едет.

Едет.

И... останавливается.

Резко. С легким дерганием, от которого я хватаюсь за поручень.

Пауза.

Тишина.

Сердце делает лишний удар. Потом еще один. И я вдруг остро осознаю: мы вдвоем. В коробке. Без выхода. Великолепно.

– Отлично, – бубню. – Просто отлично.

Ульянов нажимает кнопку. Потом еще раз. Потом весь ряд.

Ничего.

– Вы застряли, – сообщаю я очевидное.

Он медленно поворачивает ко мне голову и выгибает бровь.

– Спасибо, Воронцова. Без вас я бы не догадался.

– Я стараюсь быть полезной.

Он достает телефон. Скосив глаза, заглядываю в экран. Связь – одна палка. Как символ надежды.

– Служба безопасности, – говорит он, дозвонившись. – Лифт между... да, застрял. Ждем.

Убирает смартфон в карман и протяжно выдыхает через нос.

Мы стоим.

Вдвоем.

В маленьком пространстве.

Слишком близко.

Я чувствую его запах – что-то спокойное, чистое, с едва уловимой нотой древесного. И это совершенно не помогает ситуации. Вообще.

Ощущаю, как начинает подкрадываться нервный смех.

– Ну что, – пихаю его локтем в бок, – план эвакуации у вас есть? Или будем ждать, пока нас найдут археологи?

Он смотрит на меня.

– У вас есть предложения?

– Конечно, – оживляюсь. – Можно попытаться открыть люк и выбраться через шахту.

– Нет.

– Можно покричать.

– Нет.

– Можно смириться и построить здесь маленькое общество. Я буду отвечать за креатив, вы – за регламенты.

Руслан Дмитриевич вздыхает.

– Воронцова.

– Да?

– Постойте спокойно.

Закусив губы, молчу секунд пять. Я стараюсь. Правда. Но...

– Я не умею спокойно, – выпаливаю, топнув ногой.

– Я заметил.

Пауза. Лифт тихо гудит. Мы стоим. Слишком тихо. И вдруг...

– Мяу.

Выпрямившись, отворачиваю голову, словно рассматриваю что-то интересное. Ну, конечно. Конечно. Куда же без него. Полный комплект абсурда должен быть соблюден. Боковым зрением вижу, как Руслан Дмитриевич откашливается и складывает руки на груди.

– Воронцова.

– Да?

– Это...

– Не я, – произношу быстро.

– У вас в сумке кот?

Неловко улыбнувшись, пытаюсь спрятать сумку за спину.

– Теоретически – да.

– Теоретически?

– Практически тоже.

Пауза. Он смотрит на меня так, как будто пытается пересобрать картину мира.

– Вы снова взяли кота в офис?

– Он сам захотел поехать утром, – оправдываюсь я. – Я просто не стала мешать его карьерному росту.

Кот снова мяукает. Руслан Дмитриевич медленно проводит рукой по лицу и крутит головой.

– Я не буду это комментировать.

– Спасибо.

– Я подожду, пока мы выйдем из лифта.

– Это разумно.

Замолкаю. Потом он вдруг усмехается. Очень тихо. Почти неслышно. Нахмурившись, смотрю на него.

– Вы сейчас улыбнулись? – не верю своим глазам.

– Нет.

– Улыбнулись.

– Нет.

– Улыбнулись, – повторяю уверенно. – Я видела.

Он пристально смотрит на меня в ответ и в его взгляде снова это... странное. Теплое. Не начальственное.

И от этого взгляда внутри что-то сдвигается. Ломается. Или, наоборот, становится на место – я не понимаю.

Под ребрами медленно разливается непривычное тепло, как будто кто-то тихо включил свет там, где обычно всегда было темно. Оно растет, расплзается, цепляется за дыхание, сбивает ритм и заставляет меня неестественно остро чувствовать каждую секунду рядом с ним.

– Воронцова, – говорит Ульянов тихо.

– Да?

– Завтра. Без кота.

Фыркнув, закатываю глаза.

– Я постараюсь.

И сама не понимаю, почему в этот момент мне хочется пообещать что-то еще. Что-то большее. Глупость полная.

Лифт дергается и едет вниз. Двери открываются. Мы выходим, и я вдруг понимаю, что проблема не в том, что я застряла с ним в лифте. Проблема в том, что, если бы лифт застрял еще минут на десять, я бы, кажется, не сильно расстроилась.

А это уже совсем, совсем плохая новость.

Глава 4

Руслан

Вернувшись в кабинет после обеда, закрываю за собой дверь и сажусь за стол.

Открываю ноутбук. Смотрю в монитор. И вспоминаю, как я сказал Ане, что «Так лучше».

Про волосы. Идиот.

Секунда – и вместо цифр снова она. Как будто мозг решил: «Нет, сегодня ты работаешь не с отчетами, а с последствиями своих решений».

Зачем я это сказал?

Прокручиваю этот момент один раз, второй, пятый, а потом и вовсе сбиваюсь со счета. Ее волосы, каштановые, длинные, выбившиеся из этого ее причудливого пучка, падают на плечи. Она их постоянно поправляет, но они все равно возвращаются, как будто тоже решили игнорировать правила. Как будто у них с ней один характер на двоих.

И я...

Я, человек, который делает замечания за отсутствие приветствия в письме, за три минуты опоздания и за кофту «не по дресс-коду», смотрю на нее и говорю:

– Так лучше.

Идиот.

Откинувшись на спинку кресла, провожу рукой по лицу.

Кожа горячая. Не от усталости, а от раздражения. На себя. На ситуацию. На то, что я вдруг начал говорить вещи, которые не имеют никакого отношения к работе.

Я – руководитель. Мне тридцать пять лет. У меня за плечами армия, управленческий опыт, десятки проектов, которые вытаскивали компании из состояния «мы не выживем» в состояние «мы процветаем». Я умею контролировать процессы, людей, риски.

Но, как выясняется, не собственный язык.

– Это пройдет, – успокаиваю сам себя. – Просто она не вписывается в систему, и это раздражает. Ничего личного.

Вру.

Все личное.

И это признание раздражает. Потому что личное – это неконтролируемо. А я не работаю с тем, что нельзя контролировать.

Каждый раз, когда я вижу ее, в этих джинсах с выцветшими коленками, в этой серой кофте, с этим ее хаотичным пучком, забываю, зачем подошел. Я смотрю на нее и думаю не о работе.

Я думаю о том, какая у нее шея, когда она откидывает голову, смеюсь. Как она прикусывает губу, когда сосредоточена. Как у нее загораются глаза, когда она находит решение, которое никто другой не увидел. Как у нее меняется голос – чуть ниже, чуть тише, когда она говорит что-то действительно важное. Как будто в этот момент она становится серьезнее, чем хочет казаться.

Я не должен этого замечать.

Но я замечаю.

И это проблема.

Поднявшись из-за стола, выхожу из кабинета и иду к кулеру. Нужно отвлечься. Подставляю пластиковый стаканчик, наливаю воду. Простое действие. Понятное.

В отличие от Воронцовой.

Пока пью, смотрю в окно и вспоминаю о лифте. О том, как он остановился. О том, как Аня схватилась за поручень и сказала «просто отлично» таким тоном, будто это не чрезвычайная ситуация, а очередная глупость мира, с которой ей приходится мириться. Как будто она

уже привыкла, что все идет не по плану – и это нормально. О том, какие безумные идеи она предлагала...

– Можно открыть люк и выбраться через шахту.

– Можно построить маленькое общество.

И, конечно же кот.

Закрываю глаза и ухмыляюсь.

У меня в отделе сотрудник носит на работу кота. И это не самое странное, что происходит. Самое странное – это то, что в тот момент, в том застрявшем лифте, мне впервые за долгое время было не скучно, не пусто и не предсказуемо.

– Мяс.

Я почти слышу это снова. Открыв глаза, свожу брови у переносицы. Нет, это уже воображение.

Надеюсь.

– Руслан Дмитриевич.

Медленно обернувшись, вижу Аню. Она стоит в метре от меня. Волосы распущены. Пучка нет. Она их сегодня так и не заколола.

И это сразу бросается в глаза. Словно вся остальная картинка становится фоном.

Задержав взгляд на секунду дольше, чем следует, откашливаюсь.

– Воронцова, – бубню. – У нас совещание через десять минут. Вы готовы?

– Всегда готова, – отвечает она, а в голосе слышится вызов.

Как будто она проверяет – скажу ли я что-то еще. Про волосы. Про нее. Про что угодно, кроме работы.

Мы идем вместе по коридору. Я смотрю вперед, на стены, на таблички, на что угодно, только не на нее. Это, как выясняется, сложнее, чем кажется. Потому что я чувствую ее рядом как-то уж слишком отчетливо.

Шаги в такт. Дыхание. И даже ее тепло ощущается невыносимо явно. Хотя, возможно, я это просто выдумываю.

В переговорной уже собираются люди. Мы садимся напротив друг друга. Открыв лежащую перед собой папку, делаю вид, что читаю документы.

Не читаю. Потому что чувствую взгляд.

Поднимаю глаза. Она смотрит.

– Руслан Дмитриевич, – наклонившись ближе, тихо произносит она, почти шепотом, чтобы никто не слышал. – Вы в порядке?

– В полном, – отчеканиваю.

– Вы сегодня пять раз смотрели на мои волосы. Я посчитала.

Пауза.

Сглотнув, откашливаюсь в кулак и не нахожу, что сказать. Аня улыбается. Той самой улыбкой, которая делает любую логическую цепочку бесполезной.

– Не переживайте, – добавляет она. – Я никому не скажу.

Я смотрю на нее.

Она все поняла.

И это проблема. Потому что теперь это не только в моей голове. Это между нами. И игнорировать это уже сложнее.

В этот момент в переговорную заходит начальник соседнего отдела, все начинают рассаживаться, начинается обсуждение.

Уткнувшись в документы, пробегаю по строчкам один раз, второй, третий, но... не улавливаю ни строчки. Потому что в голове звучит ее голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.